

Корабельные сосны вторили ветру, упираясь в край горизонта. Подёрнутая зелёной ряской, вода речки уже освещалась вечерним солнцем, когда я покинул уютный ресторанчик при станции. Плотно пообедав, я с удовольствием вдыхал тугой хвойный воздух, возвращая таким образом устойчивую симметрию окружающего мира. Необыкновенно счастливыми казались расцвеченные клейкой листвой деревья. Глубина погружения в изобретённую и проверенную радость оставалась максимальной. Достаточно усвоить нехитрый пустячок: по-настоящему счастлив лишь тот, кто не вникает без надобности в дела других людей.

Узкая дорожка прыгнула под ноги, приятно скрипел гравий, смешиваясь с тёплым песком. Я нащупал в кармане пачку сигарет, но она оказалась пустой.

До поезда у меня оставалось предостаточно времени. Основной пакет документов оформлен, дело фирмы процветало.

Я неспешно прогуливался вдоль обрыва, поросшего можжевельновыми кустами. В воздухе дрожали жирные цикады. Пахло прелым листом, сырым грибным духом из тёмных проплешин чащи.

Среди ветвей ивняка, серебрившихся под высоким изломом неба, послышалась напряжённая перебранка. Придя в необычное волнение, один из говоривших вдруг принялся орать во всё горло, что именно он обнаружил сакральную вещь.

— Где ключ?

— Там!

— Точно?

— Точней не бывает!

— Как взять?

— Не раздумывая!

— Молодец! Умён! Ты же Ленин!

В кустах мелькнула шишкастая розовая плешь, а затем возник и сам охотник за ключами — маленький жилистый мужичок.

— Сигаретой не угостишь? — спросил я.

Пренебрежительно сплюнув, мужичок оглядел меня так, точно я, чужак, выкрал вселенскую тайну, при этом узкие щёлочки глаз вдруг вспыхнули, напоминая замочную скважину.

— Есть поблизости магазин?

— Иди прямо!

Через минуту он растворился в кустах так же быстро, как и появился.

Спустя десять минут интенсивных поисков, среди набирающей густоту смоляных травостоев мелькнул магазинчик. В очереди к прилавку — красные, помеченные местечковой глушью лица. Я напористо протиснулся сквозь толпу, бросил на прилавок купюру, но продащица, пальцем указала вверх толпы.

— Самый умный? В очередь!

Запах чеснока, самогона и припечённого ржаного хлеба растекался по всем углам. Продащица, на синем фартуке которой было выведено чёрным фломастером имя «Катя», то и дело отсылала страждущих за «красненькой» — портвейном в конец очереди.

— Когда хлеб будешь давать?

— слышалось со всех сторон.

Катя деловито выкладывала горкой тёплые буханки с деревянных поддонов на прилавок и при этом что-то неразборчиво бубнила под нос.

Я определил точку очередности в системе магазинных координат, а затем принялся рассматривать то, что трудно назвать витриной. Вперемежку со стопами сорочек, рейтуз и тапочек красовались вёдра разной вместимости, напоминая блеском каски кавалергардов. Во всём чувствовалась соразмерность неспешной жизни, а война казалась

запредельным крохотным пятном на рубахе. Постирал и забыл. Повторяемость рутинных на первый взгляд дел, вроде покупки хлеба или сигарет, ранит значительно больше, чем осколки. В этом заключается парадокс: попав в мирную жизнь, ты ощущаешь собственную незащищённость перед ней и тогда война, встав на пути, как ледяной торос, с новой силой обдаёт тебя мертващим холодом.

Она, война, способна изменить твой личный штрих-код!

Отдалённый тяжёлый гул сотрясал горизонт, медленно накачивал, а потом грохотал, словно жестяной барабан.

В тот летний день мы с Наташкой устроились в тени дерева у небольшого пруда, попивая под копчёного леща пиво.

— Слышишь, как гремит?

— Это почти рядом.

— Может, обойдётся? — спрашивала меня Наташка, то и дело заглядывая мне в глаза.

Происходящее напоминало линию кардиограммы. Обнуление — смерть. Мошकारа хороводом праздновала август, покусывая тонкие Наташкины лодыжки.

— Я окончательно в тебя влюбился.

— Окончательно? Смешно, — говорила Наташка, пожимая узкими плечами.

Было ветрено. В воздухе кружили души влюблённых, охраняя клочок травостоя, в который

умещалась сейчас наша с Наташкой судьба. Мы приросли к пруду, белёсому выгоревшему небу и лапкам кровожадной мошकारы. Я ещё рассматривал происходящее под микроскопом, увеличивая расстояние между двумя графиками функций, грочочущими миномётами и моим городом. Война казалась мне далёким и абстрактным действием.

Спустя несколько месяцев Наташкин звонок ворвался неожиданно в предрассветное утро со снежной крупкой. По тому, как она брала высоко ноту, подменяя речь неким клёкотом, я понял, что случилось непоправимое.

— Это ужас! Началось!

Дома полыхали, глядя с экрана компьютера глазами неизлечимо больного зверя.

— Мне страшно! Помогите! — кричала она в трубку.

Высокий жилистый мужик с большими, несуразно узловатыми руками ходил по развороченному двору в одних трусах и майке и всё повторял и повторял:

— Это я виноват! Из-за меня началась война! Я что-то сделал не так!

Я ощутил полное обнуление вокруг себя. Сжался до боли в скулах родной город. Жизнь мучилась жаждой. Той, что томит мошकारу, стремящуюся на поле брани, каждый раз жалея с новой силой.

Мысль работала мерно, спокойно и уверенно. Терпеливый чемодан предлагал себя в кровники, давая понять, что способен обеспечить безопасность пути в иную виртуальную реальность. Полупустой троллейбус принял нас двоих. Это не бегство, нет, это лёт мошкеры! Вначале не замечаешь, а на второй день зуд на всём теле.

Город, где я осел, разомлев от снегопада, от белизны божьих простыней, напоминал мне детство. Разгадать бы его живописный ряд умилительных тонконогих барышень в джинсах и деловитых парней! Понимая, что размеренная жизнь такая же огромная удача, как принять в кровники чемодан, я наслаждался каждой отпущенной мне минутой счастья.

Проходит время, и категория дураков, подвергая прошлое бесстрастному анализу, оживляет затянувшийся фурункулез прежних душевных ран. Но только не я! Спазмы совести казались мне противоестественными.

Внезапно дверь с шумом распахнулась и на пороге магазина появилась молодая, коротко остриженная черноволосая женщина, обожжённая загаром, в плюшевом халате с обвисшими краями. Мягко ступая в войлочных тапочках, вошла, прижимая к груди тщательно спелёнатого ребёнка. Я угадал её, вспоминая всё, от чего избавился, казалось,

навсегда. Наташке удалось, так же как и мне, покинуть зону военного конфликта, бежать сюда от миномётных обстрелов!

Сладковатый ветерок разносил запах горлицев и чабреца, сводил с ума от теплоты мирной жизни.

Странно, но очередь сдалась сразу безо всякого сопротивления, расступаясь перед ней. Женщина гордо проследовала к прилавку.

Катя всплеснула руками.

— Наташка, ты опять?

— А в чём дело?

— Ну и когда ты перестанешь сюда ходить?

— Когда надо, — парировала покупательница.

— Ну? — тихо спросила Катя.

— Три конфетки, пожалуйста.

— А у тебя деньги есть?

Наташка пошарила в кармане плюшевого халата и протянула яркую конфетную обёртку.

— У меня только крупные. Сдача будет? — спросила она.

— Я так и знала, — выдохнула Катя в синем фартуке.

Магазин, напоминавший жалиющий улей, затих.

— Три конфетки, пожалуйста, — настойчиво тыкала она в руки продавщицы мнимую купюру.

— Не дам, надоела. Иди отсюда!

— Три конфетки, пожалуйста.

— Подходите следующий, — Катя нервно метала одну буханку за другой.

Очередь наливалась густым вязким любопытством. Три конфеты плыли в воздухе дугообразными буквами перед моими глазами. Я шагнул навстречу. Маленькая щуплая, с раскосыми скулами она смотрела на покупателей синими распахнутыми глазами, оцарапывая и притягивая одновременно. «Караимка, — подумал я. — Узнаёшь ли ты меня?»

Наши взгляды сошлись, но Наташка отвернулась, как от случайного прохожего.

— Бездушные, злые люди, — она осыпала толпу упрёками, не обращая на меня никакого внимания, — мне ж надо кормить. А если пропадёт молоко?

Три конфетки, как спасение, как последнее желание. Когда подошла моя очередь, я купил самые дорогие сладости. Катя почесала затылок, одёрнула синий лоснящийся фартук на округлом животе, затем облизнула морковные губы и осторожно спросила:

— И зачем ты её прикармливаешь? Надоела до чёртиков.

Я выхватил пакет и подошёл к Наташке. Она, неожиданно присмирив, стояла у окна, лишь поскуливала, как раненный животёрами щенок, заботливо прижимая к груди дитя.

— Угощайся.

Такого спрессованного счастья, граничащего с безумным восторгом благодарности, мне не приходилось видеть.

— Наташа, привет, — я тихонько окликнул женщину.

Моя дублёная шкура была приспособлена к любому неожиданному повороту судьбы, я ждал упрёков. Но здесь я сплочовал. Я дрогнул. Наташка меня не узнала!

Полупрозрачными пальцами прикоснулась к глянцевої упаковке так, точно боялась поверить в реальность происходящего, как вдруг ребёнок выпал из рук. Грохот накрыл присутствующих. Из пелёнок, распластавшихся на полу, выкатилась шестерёнка, отшлифованная до серебряного блеска. Сделав круг, деталь замерла, а затем, вибрируя, успокоилась. Наташка бросилась к ней и осторожно подняла.

— Маленький мой, родненький, — запричитала она. — Ты не ушибся, сыночек? А вот я сейчас поцелую мои сладкие ноженьки, рученьки. Не плачь, все устроится, обойдётся. Скоро дома будем.

Она закончила пеленать, вновь прижала к груди выдуманного ребёнка и покинула магазин. Очередь с облегчением вздохнула.

Дорога, единственная в этом месте, воздушным кружением вела меня в гору вдоль синей кромки леса. Наташка свернула влево и подалась к небольшому зданию, перед которым сиял изумрудный от солнечных лучей газон.

Война — гибельное состояние души, в момент наибольшей опасности проявляется некое отторжение её как таковой. Война — это затвердевшая субстанция, способная вытолкнуть из души человеческое начало, заполнив собой образовавшиеся пустоты. И вот ты уже клон самого себя.

Я мысленно попрощался с Наташкой, мне не было до неё никакого дела с момента, как я покинул прифронтной город. Я вовремя выплеснул эту женщину вместе с войной из своей жизни. И если бы не провидение, что

схватив за шиворот, тащит нас по жизни, мы бы не встретились! Она испугала меня своей чужеродностью, тугим узлом собранных воедино потерь, жёсткой стойкостью прострелянного дорожного знака.

«Психиатрическая лечебница» — сияла тщательно очерченная надпись на свежескрашенном здании.

Я обернулся, Наташка смотрела мне вслед, застыв, как каменная баба у излучины дорог. Цикады пели мне вслед прощальную песню...